

В. Б. КАТАЕВ

Щедринское и нещедринское в русской сатире конца XIX века

<Фрагменты>

Судьбы сатирического рода литературы по-разному складываются в разные эпохи. Это зависит от многих причин, не всегда очевидных. Взять хотя бы наше время: казалось, только вчера процветала перестроечная сатира, сегодня в сатире явное затишье: одни авторы продолжают клеймить давно заклеянное и разоблаченное, другие пребывают в растерянности то ли от отсутствия сопротивления материала и обстоятельств, то ли от чувства не востребованности обществом сатиры как таковой, третьи откровенно перешли к смеховому обслуживанию нового истеблишмента. Будущий историк разъяснит причины. Сегодня же небезынтересно взглянуть на судьбы русской сатиры в эпоху после Щедрина.

Вне соотнесенности с щедринской сатирой не может рассматриваться русская литературная сатира конца XIX века. Автор «Истории одного города», «Современной идиллии», «Сказок» создал как бы «эталоны» сатирического видения действительности: он чрезвычайно расширил, но в то же самое время ограничил (определил) жанровые рамки сатиры. Столь же «эталонными» стали его приемы сатирического письма. Чехов и в этой сфере творчества не мог не ориентироваться на созданное до него. Пройдя вместе со своими спутниками по юмористическим журналам полосу освоения щедринской манеры, он выработал затем иную, нещедринскую разновидность сатирического творчества.

Наибольшие права на соотнесенность с щедринской линией в русской литературе этого времени — у так называемой «осколочной» сатиры. Этим именем условно назовем произведения писателей — сотрудников юмористических журналов 1880-х годов

Н. А. Лейкина, В. В. Билибина, Л. И. Пальмина, А. В. Амфитеатрова, В. А. Гиляровского, К. С. Баранцевича, карикатуристов В. И. Порфирьева, А. И. Лебедева и др.

Творчество великого сатирика стало для «осколковцев» образцом и источником вдохновения, его имя — своеобразным знаменем. Редактор и основной автор журнала «Осколки» Лейкин сам называл себя «маленьким Щедриным» * (не замечая злой иронии, заключенной для него в этом сочетании). Александр Амфитеатров, став впоследствии редактором газеты «Россия», приурочит выход ее первого номера к десятилетию со дня смерти Щедрина. В нем он поместит огромный, в полстраницы его портрет «и избранных, не без риска получить для первого номера цензурную кару, две полосы незабвенных строк сатирика из его “Забытых слов”» **. «Это настоящая сатира. Салтыковым пахнет» *** — такую оценку вынес Лейкин рассказу сотрудника своего журнала Антоши Чехонте «На гвозде».

Журнал «Осколки» стал в первой половине восьмидесятых годов притягательным магнитом для всех писавших «что-либо по чему-либо бьющее или куда-нибудь стреляющее» ****. Поэт «гражданских» мотивов Л. И. Пальмин писал Лейкину 7 февраля 1882 года о привлекательности для себя его журнала: «“Осколки” под Вашу редакцию начинают напоминать “Искру” в ее хорошие годы. Видно, что Вы действительно живая душа журнала и вливаете в него жизнь, насколько это возможно в наше паскудное время». И в другом письме — от 17 марта 1883 года: «Я пишу для “Осколков” все заветное, о том, на что я злюсь искренно» *****.

Чехов, в начале 80-х годов студент-медик, публиковал свои юморески под псевдонимами практически во всех органах малой прессы, выходивших в обеих столицах: «Стрекозе», «Будильнике», «Свете и тенях», «Развлечении», «Мирском толке», «Зрителе». Но среди всех юмористических журналов он выделял именно «Осколки» — вначале как читатель, затем, с 1882 года^{6*}, как активнейший сотруд-

* См.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 204.

** Гиляровский Вл. Москва газетная // Гиляровский Вл. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1967. С. 235.

*** Цит. по: 2, 490.

**** Слова из письма Лейкина С. Н. Шубинскому от 2 апреля 1884; ГПБ. Ф. 874 (С. Н. Шубинского). Оп. 1. № 28. Лл. 91.

***** ГПБ. Ф. 115 (А. Е. Бурцева). Ед. хр. 51. Лл. 5, 38.

^{6*} Об уточнении даты приглашения Чехова в «Осколки» см.: Спутники Чехова. М., 1982. С. 446.

ник. «“Осколки” — моя купель, а Вы — мой крестный батька», — напишет он в 1887 году Лейкину (П 2, 164). <...>

Одна из центральных в «осколочной» сатире — фигура Н.А. Лейкина.

Свой путь в юмористику он начал задолго до «Осколков», еще в шестидесятые годы в «Искре» В.С. Курочкина. Обласканный в самом начале пути Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, которые приветствовали его очерки «Апраксинцы» (1863) и напечатали в «Современнике» повесть «Биржевые артельщики» (1864), Лейкин в 80-е годы своим младшим собратям по юмористической журналистике казался живым представителем той минувшей эпохи, когда русская сатира была «весела и грозна, зла и сильна, талантлива и целесообразна. Когда ее отрицание поистине “строило разрушением”»*.

Правда, творчество самого Лейкина можно считать сатирическим с большими оговорками.

Он вспоминал напутствие, услышанное им в юные годы от Некрасова: «У вас хорошо выходит: вы знаете быт, из которого пишете. Но одно могу посоветовать. У вас добродушно все выходит. А вы, батенька, злобы, злобы побольше. Теперь время такое. Злобы побольше»**. За несколько лет до того Некрасов разъяснял, зачем следует «злиться», в письме к Л.Н. Толстому: «Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас мало ли к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будет лучше, — то есть больше будем любить — любить не себя, а свою родину»***. На этой «злобе», питаемой любовью к родине, была замешена сатира самого Некрасова. Та же «искренняя злость» лежала в основе «Губернских очерков» и всего последующего сатирического творчества Салтыкова-Щедрина.

Но подобная литературная позиция была совершенно чужда Толстому <...>.

Глух к призыву Некрасова, хотя и по совсем другим причинам, остался и Лейкин. Дело было не только в природной добродушии молодого бытописателя. Уже в первом двухтомном сборнике сочинений Лейкина (1871), на который откликнулся сочувственной рецензией Салтыков-Щедрин, стала очевидной сугубо натуралистическая природа его рассказов из жизни петербургских купцов, приказчиков, ямщиков. В них, писал сатирик, «читатель не встретится ни с закон-

* Амфитеатров А. От составителя // Забытый смех. Поморная муза. Сб. 1. М., <1913>. С. 2.

** Н.А. Лейкин в воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 186.

*** См.: Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М., 1978. С. 83.

ченною драмою, ни с характерными типами, но познакомится с целою средой, обстановка которой схвачена очень живо и ясно» (9, 421 *).

Лейкин не оправдал пожелания Некрасова, хотевшего видеть в лейкиных произведениях «злости побольше». В юмористике он прокладывал свой путь.

Справедливость требует отметить, что этот путь отнюдь не отвечал призывам и с другого, правого фланга русской критики — призывам к сатирикам отказаться от «глумления» над изображаемой российской действительностью, высмеиваемое «малое» «возвышать до великого». Подобные призывы, обращенные к автору «Истории одного города», содержались в статье А. С. Суворина «Историческая сатира» (1871). Щедрин, не вступив в публичный спор о своем детище, использовал для ответа Суворину и иным «сентиментальничующим народолюбцам» примеры из того же лейкинского двухтомника: «порицательное отношение к подобной действительности могло ли быть названо глумлением над нею? Может ли, например, г. Лейкин быть привлечен к ответственности за то, что апраксинский торговец является у него в образе купца Шибалова, а не Перикла?» (9, 424). Лейкин, которого «направленческая» критика, начиная с Н. К. Михайловского, и особенно советское литературоведение (см. работы Л. М. Мышковой, В. В. Ермилова, С. Е. Шаталова, К. Д. Муратовой и др. **.) неизменно и однозначно рассматривали как «безыдейного юмориста», писали о «сорной траве лейкинщины», которая стремилась задушить чеховский талант, отнюдь не столь однозначен. На рубеже 70-х годов его произведения, как видим, берутся Салтыковым-Щедриным как слово союзника, как материал для подкрепления щедринской концепции сатиры. Он получил как бы благословение великого сатирика на объективное, не сентиментальное изображение жизненных явлений: «Мы можем сказать г. Лейкину: да не смущается сердце его. Пусть он имеет в виду одну истину, и результат этой истины будет гораздо плодотворнее, нежели всевозможные гимнастические упражнения с низведениями и возвышениями» (9, 425).

<...> В 70-е годы, да и позже, Лейкин честно стремился остаться верным духу демократического шестидесятничества. (В эти годы он, по словам А. Амфитеатрова, — «меньшой брат» Островского,

* Здесь и в дальнейшем произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина цитируются по Собр. соч. в 20 т. (М., 1965–1977) с указанием тома и страницы.

** Библиографию см.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 310.

Писемского, Слепцова, Левитова*). Другое дело, что выбрал он при этом путь, наиболее соответствовавший его понятиям, склонностям и возможностям.

<...> О том, что творчество Лейкина решало, и до определенной степени успешно, просветительские задачи, говорилось в его некрологе: «Создав популярный жанр литературы, Лейкин привязал к нему громадную аудиторию, которая, ища в его произведениях занимательное чтение, стала привыкать к газете, стала читать, развила в себе потребность в этом чтении и этим самым уже поднялась в своих культурных запросах, в своих духовных потребностях»**. Это, можно добавить, та самая «улица» и нужная ей газета, о которых Салтыков-Щедрин писал в «Письмах к тетеньке» (14, 407–409).

Правда, на избранном пути Лейкина подстерегали опасности, которых он не сумел избежать. Первая из них — замкнутость в раз навсегда избранном круге персонажей; они же — читатели лейкиных «сцен» и «сенок». Отсюда — неизбежное однообразие, которое, ввиду чрезвычайной плодовитости автора, почти ежедневно выходившего к публике, не могло не бросаться в глаза современникам. <...> Появлявшиеся ежедневно, без перебоев, с почти машинной регулярностью, лейкинские публикации в «летучих заметках» «Петербургской газеты», а также в «Стрекозе», а впоследствии в «Осколках», разумеется, не могли быть равноценными и, тем более, значительными. Принятые на себя требования «смеходейственного жанра» (выражение того же Вл. Михневича) то и дело вели Лейкина к скатыванию в пустяки и мелочи. «Учителем он не был, но забавником был, и преталантливый», — писал А. Амфитеатров после смерти Лейкина <...>***.

Действительно, популярность Лейкина в кругу его читателей достигала анекдотических размеров. И. Ясинский вспоминал свой разговор о Лейкине с гостинодворским приказчиком в конце 70-х годов:

«— Прогрессивный писатель, на каламбурном амплуа собаку съели, первоклассный сатирик, смело можно аттестовать.

— Помилуйте, вроде Щедрина?

— Не слыхали-с; с нас господина Лейкина достаточно. Каждый день читаем только господина Лейкина»****. <...>

* Амфитеатров А. Курганы. 2-е изд. Пг., <б. г.>. С. 284.

** Б.Г. <Глинский Б.>. Памяти Николая Александровича Лейкина // Исторический вестник. 1906. № 2. С. 264.

*** Амфитеатров А. Курганы. С. 285, 286.

**** Ясинский И. И. Роман моей жизни. С. 203.

Называя себя «ревностным» читателем Лейкина (П 1, 60), Чехов имел в виду Лейкина «доосколочного». Вторая половина 70-х — начало 80-х годов — вот полоса, которую можно назвать вершинной на долгом пути Лейкина, автора сенок и юмористических рассказов. <...> Лучшие его сценки этих лет, которые юный Чехов читал, «захлебываясь» от удовольствия, давали предельно узнаваемые картины повседневной жизни, содержали меткие лейкинские словечки, становившиеся затем порой крылатыми выражениями. И многие из них были продиктованы бескомпромиссным неприятием темных сторон жизни купечества, презрением ко многим из «краеугольных камней» русской действительности — тем, что заслужило одобрение в рецензии Щедрина.

<...> Единоличным редактором «Осколков» Лейкин стал с декабря 1881 года. И сразу заявил программу, отличающуюся от программ других юмористических журналов.

Старшая сестра по санктпетербургской юмористике, «Стрекоза», заявляла о программе следующими стихами на обложке своего первого номера: «Бокалы выше! Дружно пьем / За все, что весело и мило! <...> / За красоту и за любовь. / За остроумный смех без злости!»*. Смех без злости — прямо противоположное тому, что проповедовали Некрасов (вспомним его: «Злобы, злобы побольше!») с Салтыковым — сознательный отказ от общественной сатиры в духе и формах 60-х годов. По более или менее сходной — «елейно-юмористической»** — программе строилось содержание и других, в основном московских, журнальчиков.

До прихода Лейкина и «Осколки» извещали: «Все веселое и легко читающееся найдет себе место в журнале»***; т. е. программа долежикинских «Осколков» строилась по типу программы «Стрекозы». Программа новых «Осколков» звучала гораздо острее, зубастее:

Снимая с русской жизни сколки
В рисунке, прозе и стихах,
Неумолимы, злы и колки,
Язвить намерены «Осколки»
Все, что к перу питает страх
И любит прятаться впотьмах****.

* «Стрекоза». 1875. № 1.

** *Гиляровский Вл.* Москва газетная. С. 162.

*** «Осколки». 1881. № 47.

**** «Осколки». 1881. № 49. Стихи Черниговца (Ф. В. Вишневого).

Объявляя себя «злыми», лейкинские «Осколки», по крайней мере в декларации, начинали исповедовать некрасовско-салтыковский взгляд на сатиру. Начало лейкинских «Осколков» совпало с приходом в журналистику группы молодых юмористов. «Мы все, пишущие по смешной части» (2, 450), — называет себя и своих собратьев по малой прессе А. Чехонте. <...> Писатель-юморист Виктор Викторович Билибин, писавший под этим псевдонимом свои «мелочишки», стал, как и Лейкин, на первых порах своеобразным ориентиром для молодого Чехова, вступившего в область юмористики*.

Билибин еще до «Осколков» активно сотрудничал в юмористических журналах, особенно в «Стрекозе». Он быстро сделал себе имя и завоевал определенное положение в юмористической литературе. <...> Первый сборник Билибина — наглядный образец «хитросплетенного и единственно к формальной цели направленного остроумничанья**», господствовавшего в журнальной юмористике.

Но с приходом Билибина в новые «Осколки» (где он стал секретарем редакции) его произведения поднялись на более высокий уровень. Наиболее активный автор лейкинского журнала, Билибин внес существенно новые черты в юмористическую мелочишку, начал ориентироваться на щедринские образцы.

Принято считать, что «осколочная» юмористика вторична и несамостоятельна, питается крохами со стола «большой» сатиры. Во многом это действительно так.

В первые годы существования «Осколков» Лейкин стремился возродить одну из традиций шестидесятых годов: выпускать юмористический журнал, который на своем уровне следовал бы за программой главного печатного органа демократии. «Осколки» хотели быть новой «Искрой» при «Отечественных записках» Салтыкова-Щедрина. Это было сразу замечено современниками. 10 февраля 1883 года Л. Пальмин писал Лейкину: «В “Осколках” живет дух “Искры” прежних лет, хотя, к сожалению, еще многого недостает, что я, разумеется, приписываю не Вашей вине, а во многих отношениях неблагоприятным условиям наших дней»***.

Оговорки о неполном выполнении «Осколками» задуманной программы здесь неслучайны. Иллюстрацией к ним может служить карикатура «В пределах возможного», помещенная на первой странице

* Осходных моментах в «мелочишках» Чехова и Билибина см.: Катаев В. Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX в.) // Спутники Чехова. С. 17–24.

** Кугель А. Р. Литературные воспоминания. С. 21.

*** ГПБ. Ф. 115. Ед. хр. 51. Л. 28.

29-го номера «Осколков» за 1883 год (рис. В. И. Порфирьева, тема Л<ейкина> и Б<илибина>). На рисунке изображены две группы. Одна — писатели-сатирики (в руках у них перья, на которых написано: «юмор», «сатира», «обличение») — с гневом выступает против другой (на флажках, которые держат те, написано: «интендант», «теща», «кассир», «коммерсант», «полудевица», «банкир», «рогоносец»). Подпись под карикатурой: «Современные поэты-сатирики, с дозволения Аполлона и прочего своего начальства, яростно нападают на заклятых врагов, являющихся козлицами отпущения и великодушно отданных им начальством на заклятие». И рисунок, и подпись ясно показывают, что сотрудники «Осколков» признавали ограниченность и мелкотемье своей сатиры, но считали их вынужденными.

Аналогичным образом пишет о задачах и возможностях юмористики в эпоху наступления реакции Билибин в юморесках «Литературная энциклопедия», «Веселые картинки», «Я и околоточный надзиратель».

<...> И все-таки нельзя недооценивать, что в этих крайне неблагоприятных для сатирического творчества условиях, когда лишь самые невинные темы могли быть затрагиваемы «с дозволения начальства», «Осколки» ориентиром для себя выбрали щедринскую сатиру. С января 1883 года, когда во главе цензурного ведомства стал Е. М. Феокистов, и до апреля 1884 года, когда реакционные силы добились закрытия «Отечественных записок», — в эти предгрозовые месяцы «Осколки» не раз находили способ высказаться в поддержку щедринской сатиры.

Такова серия заглавных рисунков В. И. Порфирьева на первой странице журнала. В № 2 за 1883 год — «Борьба за существование (По Дарвину)»: русские газеты изображены в виде рыб в аквариуме, а кран со свежей водой затыкает некая рука. В № 17 за тот же год — «На прогулке», со стихотворным диалогом И. Ланского:

«Он <русский журнал, с головой Салтыкова-Щедрина, с надписью на обложке “Отечественные записки”>:

Ух, от водянки я толстею
И раз лишь в месяц выхожу.

Она <русская газета, с надписью “Новости”>:

Ах, от сухотки все хуюю,
На лист сухой я похожу.
Одно могу теперь сказать:
Потребен воздух нам... на воздух!

Он:

Но как же будем здесь гулять,
Где испаряет лишь навоз дух?

Рисунок и подпись перекликались с щедринской темой “торжествующей свиньи” — засилья реакционных сил в русской печати. В № 27 за тот же год появился рисунок “Деревенский рыболов” (тема Л<ейкина> и Б<илибина>). На изображенном бывшем барском доме надписи: «Убежище Монрепо, быфшая графа Кутилова, а ныни купца Разуваева. Питейный дом. Мелочная лавочка на книшку. Покупка хлеба на корню». На балконе Разуваев, у которого вместо головы кулак, и такой же сынишка: они забрасывают вниз, где толпятся мужики, удочки с зелеными штофами. И рисунок, и надписи — иллюстрации к сатирическому циклу Щедрина «Убежище Монрепо».

Тот же источник — щедринские темы, образы, словарь — просматривается в большинстве сатирических произведений Билибина, появившихся в эти месяцы в «Осколках». Со страниц «Убежища Монрепо», «За рубежом» пришли в «мелочишки» и Билибина, и Чехова емкие щедринские формулы-характеристики разгула политического сыска и полицейского произвола: «чтение в сердцах», «сердцеведение» станowych и урядников, «торжествующая свинья» и др. Пропавшая совесть в «Дневнике происшествий» Билибина — образ, пришедший из сказки Щедрина «Пропала совесть». Насмешки Билибина и других осколковцев над «патриотической» московской публицистикой или над «Красой Демидрона» — «Новым временем» — перекликаются с выпадами Щедрина против газет Каткова и Аксакова в цикле «За рубежом» и против суворинской газеты — в «Современной идиллии».

Примеров таких, вторичных по отношению Щедрину, сатирических выпадов в произведениях Билибина (как и молодого Чехова) можно привести немало*. Именно под воздействием щедринского творчества, в следовании за Щедриным могла возникнуть «осколочная» сатира.

* О «щедринизмах» в творчестве Чехова см.: *Иванов-Разумник Р.* Чехов // *Иванов-Разумник Р.* История русской общественной мысли. Т. VII. Девяностые годы. Изд. 5-е. Пг., 1918. С. 73; *Гущин М.* Творчество Чехова. Очерки. Харьков, 1954. С. 16–45; *Плоткин Л.* Сатирическое у Чехова // *Плоткин Л.* Литературные очерки и статьи. Л., 1958. С. 372–377; *Балухатый С.* Ранний Чехов // *А.П. Чехов.* Сб. статей и материалов. Ростов н/Д., 1959. С. 22–24; *Бердников Г.А.П.* Чехов. Идейные и творческие искания. М.; Л., 1961. С. 21–22; *Турков А.* Чехов и его время. Изд. 2-е. М., 1987. С. 41–50.

Жанр юмористической миниатюры, «мелочишки» давал возможность не только копировать достижения «большой» сатиры. Лучшие произведения этого жанра подтверждают, что у юмористики малой прессы была своя область. Ею решались свои, присущие только ей задачи, не решавшиеся большой сатирой. Тут свой читатель, отличный от читателя толстых журналов, своя доходчивость, оперативность, свои жанры и во многом своя поэтика.

Особенно часто Билибин и Чехов в «мелочишках» прибегают к своеобразной поэтике абсурда. Очевидно, доведение до нелепости какого-либо утверждения или изложение с невинным видом вопиющей бессмыслицы позволяло наиболее наглядно и кратко представить суть изобличаемого явления.

Таково у Билибина использование абсурдных силлогизмов для доказательства того, почему «чиновники не берут взятки», «русские войска непобедимы», «исправники не совершают растрат казенных денег» и «происходят университетские беспорядки» («Если бы»; «Осколки», 1883, № 24). Сходные «если бы» приходят в голову героя чеховских «Несообразных мыслей» (3, 7–8). Читатель билибинских «Записок сумасшедшего писателя», которые начинаются заявлением: «Вот глупости говорят, что писать теперь нельзя!.. Сделайте милость, сколько угодно, и в стихах и в прозе!..» («Осколки», 1883, № 26), — должен был в конце приходиться к прямо противоположным умозаключениям.

Такого рода «абсурдизмы» тоже, в конечном счете, восходят к традициям Щедрина, а также Козьмы Пруткова. Но «осколочная» сатира, сделав поэтику абсурда едва ли не основным своим оружием, расширила тематическое и жанровое ее применение, сделав многие открытия «большой» сатиры достоянием «улицы», новых кругов русских читателей. В этом заключается ее пусть и ограниченное, но несомненное общественное и литературное значение.

«Осколочной» сатире был отпущен очень короткий век. <...> Борьба правительства с литературой, в первую очередь с периодической печатью, имела два вида: ограничение круга вопросов, о которых разрешалось писать, и непосредственные преследования тех или иных органов печати*.

Наступившая реакция убивала всякую возможность полнокровной сатиры. Лейкин — редактор и автор «Осколков» — или трусит, сознательно избегая всякого заострения, или подвергается «мама-

* См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 268–294.

евым нашествиям» цензуры. Окончательно сломлен Лейкин был именно в середине 80-х годов. 10 октября 1885 года он писал Чехову о «погроме», учиненном цензурой в 40-м номере: «...сам журнал еле уцелел. Наутро я был вызван в цензурный комитет, и председатель объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не переменю направление, что цензор вымарывает статьи, но против общего направления, против подбора статей он ничего не может сделать и что тут виноват редактор. Объявил мне также, что начальник Главн<ого> Упр<авления> по делам печати вообще против сатирических журналов и не находит, чтобы они были необходимы для публики. <...> Дамоклов меч висит, и надо хоть на время сократиться. Против рожна не попрешь!»*

<...> Пути Чехова и Лейкина разошлись с середины 80-х годов. Лейкин и вместе с ним сотрудники «Осколков» уйдут в дачную, охотничью и т. п. тематику. Юмор журнала будет становиться все благодушнее, беззубее, потакая вкусам обывательского читателя, «полуинтеллигенции» (А. Амфитеатров).

2

Но неверно видеть причину угасания сатиры (точнее, вырождения ее традиционных, восходящих к 60-м годам, форм) только в постигших ее цензурных карах и репрессиях.

Представление о призрачности, пустоте (пустомыслии, пустословии, пустоутробии) зла и его носителей питало сатиру Щедрина**. Годы правления Александра III должны были, кажется, подпитывать подобное представление, давать все новый и новый материал для создания образов, подобных Иудушке, ташкентцам, Топтыгиным. <...> И русская литература дала образы, равные по силе обобщения щедринским: Хамелеон, Унтер Пришибеев, Человек в футляре.

Однако видеть лишь эти, реакционные и консервативные черты режима Александра III (а только такое видение господствовало в историко-литературных работах в советский период) — односторонность и упрощение. И такой односторонний и упрощенный подход определял осмысление сатирических тенденций в литературе этого времени.

Сатира питается общими настроениями, господствующими в умах образованной части общества. Мироощущение полутора десятилетий, на которые падает царствование Александра III, наиболее из-

* Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. С. 240–241.

** См. об этом: *Николаев Д.П.* Смех Щедрина. М., 1988. С. 62–75, 104–108.

вестно, пожалуй, по романтическим формулам Александра Блока: «года глухие», «мы, дети страшных лет России», «Победоносцев над Россией простер совиные крыла»... Целью политики правительства в отношении общественных умонастроений и движений было любой ценой остановить брожение и недовольство, приобретавшее к началу 80-х годов опасные размеры. Рядом репрессивных действий это было достигнуто, и на месте былой возбужденности и политизированности в обществе воцарились страх преследований и апатия. Это состояние нашло отражение в обобщенных образах Чехова: палаты № 6, или целого города, скованного страхом перед ничтожным человеком в футляре.

Но, повторим, отрицательными характеристиками политика правительства в эти годы не исчерпывается, и отношение к ней, а значит, и общественные настроения не были однозначно отрицательными. Свидетельства многих авторитетных современников эпохи говорят о благожелательном отклике, который встретили другие моменты внутренней и внешней политики правительства.

Впервые за целое царствование Россия не участвовала в войнах, что позволило сосредоточиться на решении проблем экономики, и это вызвало рост всех производительных сил, промышленное и дорожное строительство, укрепление национальной валюты и т. д. Расцвету точных и гуманитарных наук способствовала политика внутреннего умиротворения. Умиротворение — пусть мнимое и непрочное, — внесенное в смятенные умы, обратило молодые силы страны на созидательный, а не разрушительный путь. В науке, культуре возросла цена завершеного, а не прерванного из-за ухода в революцию образования. После смерти Александра III благодарные слова памяти царя-мироотворца, высказанные Д. И. Менделеевым, В. О. Ключевским, В. В. Докучаевым и другими учеными, были вполне искренними и отражали значительную часть общественного мнения. Не случайно эпоха Александра III позже заслужила название эпохи «мысли и разума» у столь разных деятелей, как либерал-кадет Р. М. Бланк и подхвативший эту формулу В. И. Ленин*. Да и сам облик Александра III, хранителя семейных начал, вызывал, особенно в сравнении с сомнительной моральной репутацией его отца, у многих симпатии**.

* Бланк Р. К злобам дня русской социал-демократии // Наша жизнь. 1906, 23 марта. № 401; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1960. С. 331.

** См., напр., рассказ Н. С. Лескова «Леон дворецкий сын (Застольный хищник). Из застольных легенд нового сложения».

Но это означало и подрыв концепции призрачности — традиционной основы сатирического изображения русской жизни. Наоборот, огульная критика действий правительства, игнорирование очевидных достижений экономики, науки и культуры, «огульные суждения и осуждения» заслужили презрительное отношение со стороны того же Д. И. Менделеева* и других ученых, видевших не только призрачное, помпадурство и ташкентство, но и реальные прогрессивные перемены в жизни любимой родины. Такое изменение общественного отношения к критике и отрицанию чем-то напоминало отношение А. И. Герцена к «желчевикам», предостерегавшего сатириков 60-х годов от очень опасных, с его точки зрения, для хода реформ нападок. Общество в лице уважаемых представителей лишало своей поддержки традиционно сатирическую позицию.

Стоит вспомнить также отрицательное отношение к сатире такого выразителя умонастроений эпохи, как В. В. Розанов. Для него, как и для его идейных единомышленников, имя Щедрина также стало символом, но уже обратной значимости. <...>

И Менделеев, и Розанов, хотя и с разных позиций, выразили неблагоприятные для социальной сатиры умонастроения части русского общества. И это уже не внешние, цензурные, а внутренние, связанные с общественной психологией препятствия для ее полноценного существования.

Но причины неизбежной трансформации русской сатиры (в ее классических, щедринских, формах) в послещедринскую эпоху не исчерпываются сказанным.

3

Отношение к сатире (щедринского типа) творчества крупнейшего писателя эпохи Чехова дает немалый материал для суждений о путях развития сатиры на рубеже веков и о щедринских и нещедринских ее формах.

Чехов — по складу своего таланта один из гениев мировой юмористики — вступив в начале 80-х годов под знамена «Стрекозы», «Будильника» и «Осколков», хотел сперва честно, со всей ответственностью служить задачам, которые время ставило перед «пишущими по смешной части». <...>

И, как лучшие из «осколковцев», Чехов не мог пройти мимо щедринского воздействия.

* См.: Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1904. С. 222.

Обычно сатирические мотивы в юмористике Чехова возводят прямо к традициям Салтыкова-Щедрина. Действительно, щедринское творчество, в частности его произведения 80-х годов, оказывало и непосредственное влияние на молодого Чехова. Об этом говорят и восхищение Чехова щедринской сказкой «Праздничный разговор» (П 1, 198), и его итоговая оценка Щедрина в письме к Плещееву (П 3, 212–213); наконец, тот факт, что некоторые вещи Чехова в «Осколках» казались Лейкину, как, можно полагать, и другим современникам, «щедринскими» по сатирической заостренности. Но, как было сказано выше, нельзя недооценивать опосредующее звено между Чеховым-юмористом и «большой» русской сатирой. Таким опосредующим звеном и была «осколочная» сатира: сборники Лейкина конца 70-х — начала 80-х годов и осколочные «мелочишки» Билибина.

<...> Прибегая в отдельных произведениях к щедринской манере, создавая произведения и отдельные образы в духе Щедрина, Чехов творчески осваивал один из наиболее близких ему идейно вариантам отношения к действительности. Но исключительного следования по этому пути у Чехова никогда не будет; столь же блестяще он овладеет и иными традициями, представлявшимися Чехову иными «правдами» в искусстве и жизни. Это проявится уже вне юмористической сферы его творчества.

Не будем забывать, что вовсе не одна юмористика была колыбелью чеховского творчества. Оказавшись волею судеб в стане «завсегдатаев юмористических журналов (непременных членов по юмористическим делам присутствия)» (2, 451), Чехов одновременно пытался найти себя в далеких от юмористики областях. Уже до начала работы в «Осколках» он был автором серьезной драмы в четырех действиях; одновременно с юмористическими мелочишками он пробовал себя в рассказах типа «Живой товар», «Цветы запоздалые», а затем не только в детективно-пародийной, но и социально-психологической «Драме на охоте».

И в сценках Чехова очень рано появляются ноты, заставлявшие Лейкина, который думал найти в московском студенте своего ученика и последователя в юмористике, недоумевать и предостерегать от нарушений чистоты жанра. А Чехов, пославший в «Осколки» своих «Вора» и «Вербу», ответит, что он и не думает держаться «рамок в пользу безусловного юмора» <...>

«Средний человек», который пытается «ориентироваться в жизни», — вот что все больше привлекает Чехова-художника. <...>

Любопытно, что углубление Чехова «в область серьеза» также соотносимо с определенными тенденциями щедринского творчества

Подобно многим великим предшественникам в русской литературе, Щедрин в последние годы создал произведения, отличные от того, что привычно с ним связывалось и закрепилось за ним в сознании читателя. В последних сказках, в «Забытых словах» сатирик выступает с литературных и общественных позиций, бесконечно далеких от узкоутилитарного взгляда на сатиру, свойственного его подражателям и эпигонам, и лишь исходно связанных с реалиями «освободительного движения», конкретно-исторической ситуацией в России.

В них сатирик в полный голос говорил о тех человеческих, христианских идеалах, которыми также вдохновлялось его творчество. Вся его сатира, как становится ясным, была обличением забывших эти идеалы, средством напомнить о них людям. Но 80-е годы принесли Щедрину и ощущение исчерпанности прежних художественных путей. Он понимал необходимость «переломить свою природу» (16.2, 328): «Надо новую жилу найти, а не то совсем бросить» (там же).

Таким новым путем стало для Щедрина углубление в проблему «среднего человека», «мелочей жизни» — то, к чему со своей стороны шел в те же годы Чехов. <...> Но нельзя сводить литературную позицию Чехова лишь к продолжению традиций Щедрина на новом жизненном материале.

Щедрин, действительно, первым указал на «громадный прилив простецов» в русской жизни. Проблему «среднего человека», «улицы» великий сатирик неизменно связывал с общим ходом истории, с осуществлением или отдалением «неумирающих» идеалов. Оказалось, что «средний человек» чаще всего — косная сила, пособник регресса, с «обгаженными бессознательными преступлениями руками». И мелочи, на которые распалась современная жизнь, — признак исторического «перерыва».

У Чехова, как и у его героев, иной взгляд на «мелочи жизни». Герой рассказа «Неприятность» доктор Овчинников говорит, как бы обращаясь ко всем, способным лишь юмористически смотреть на жизнь «среднего человека»: «Вы вот улыбаетесь! По-вашему, все это мелочи, пустяки, но поймите же, что этих мелочей так много, что из них сложилась вся жизнь, как из песчинок гора!» (7, 154). «Улыбался» Чехов, изображая среднего человека и мелочи жизни, в осколочный период, когда вся «осколочная сатира» развивала и популяризировала щедринский подход: она смеялась над средним человеком как героем своих произведений и обращалась к нему как к читателю. Но с середины 80-х годов, углубившись в «область се-

ряза», Чехов признал то, над чем он смеялся, основным и наиболее важным объектом изучения <...>.

Для Щедрина переход от сатиры к «бытовым вещам» поначалу казался своего рода крушением, снижением и измелечанием темы. Со временем, с пониманием отдаленности сроков осуществления идеалов, менялось отношение сатирика к типу среднего человека, «простеца»*. На первый план для него теперь выдвигается «тема о заступничестве за калечимых людей» (16.2, 343); ему видятся «потрясающие драмы», которые «переполняют жизненную обыденность» (там же) — то, что стало основной темой произведений Чехова.

Интересно, что Щедрин еще в начале восьмидесятых годов предсказывал необходимость появления писателя именно чеховского типа. В цикле «Письма к тетеньке» (1882), говоря, что «улица <...> всей массой хлынула» на страницы литературы, разъясняя консервативную, косную роль, играемую средним человеком, представителем «улицы», в современной истории, Щедрин в то же время подчеркивал «и неизбежность, и несомненную законность» вторжения «улицы» в литературу (14, 403, 407). Щедрин пишет о том, что «эмансипирующийся человек» (еще одна характеристика среднего человека) — отнюдь не всегда будет оставаться в рамках «отталкивающего типа»: «новые перспективы непременно вызовут потребность разобраться в них», почувствовать и объяснить «болящую рану современного человека» (14, 408). Для «массы тоскующих» современников, пишет далее Щедрин, характерно «незнание, где отыскать выход», способность «упорно принимать жизненные миражи за подлинную жизнь» (там же). Главное требование к художнику такой эпохи — способность «проникнуть в тайны современности», разобраться в них.

В этих размышлениях Щедрина — и характеристика наиболее распространенного героя 80-х годов, и словно предчувствие появления Чехова — художника, способного единым взглядом охватить всю «разнокалиберную фантазмагорию» эпохи, уловить «общее настроение общества», разобраться ближе «в тине мелочей».

<...>

* См.: *Кранихфельд Вл.* Десятилетие о среднем человеке // Современный мир. 1907. № 11. С. 170–175.